Наследному принцу в этом году было всего десять. Каким бы спокойным и не по годам развитым он ни был, он по-прежнему оставался ребенком.

Ребенок совершает лишь детские ошибки, а иначе вырастает монстром.

То, что поведал Ван Джи, по сути, было мелочью.

После смерти Добродетельная наложница Цзи была погребена в императорских гробницах. Во Дворце для нее была установлена специальная табличка для жертвоприношений. Однако из-за Благородной наложницы Вань вдовствующая императрица Чжоу посоветовала наследному принцу пореже посещать тот дворец, чтобы не раздражать Благородную наложницу, которая в любой момент могла выкинуть что-то против него.

Приближалась годовщина смерти Добродетельной наложницы Цзи. Принц скучал по своей матери. Он не мог пойти в тот дворец, так что тайно установил стол для благовоний в Восточном дворце, где мог почтить свою матушку, плача и жалуясь на то, что та оставила его и ушла, и причитая, как ему нелегко и так далее.

Такова человеческая природа. Принцу действительно жилось несладко. Теперь он не был единственным сыном своего отца, занятого лишь достижением бессмертия, алхимией, общением с национальным мастером и совершенно не обращающим внимания на наследного принца.

Хань Цзао умер, впрочем, как и Юань Лян. Подле принца было не так много близких людей. Своим учителям пожаловаться он не мог. Кому еще рассказать обо всем, кроме своей матери?

У говорящего не было дурных намерений, а вот у слушателя были. Молитвы принца и слова, что он шептал своей матери, оказались кем-то подслушаны, а затем переданы Благородной наложнице.

У Благородной наложницы Вань глаза и уши были по всему дворцу. Покои наследного принца не были исключением. Хоть Восточный дворец и находился под многочисленной охраной и в нем было немало преданных принцу людей, и тут нашлись шпионы Благородной наложницы, которые могли в любое время подслушать принца.

Узнав о произошедшем, Благородная наложница пришла в гнев и одновременно с этим очень испугалась. Она тотчас побежала к императору жаловаться, сказав, что принц не забыл обиду за смерть матери, хранит ненависть в сердце и наговорил много нехорошего во время молитвы перед столом с благовониями. Якобы, будь он обычным человеком, все было бы в порядке, лишь она пострадала бы от несправедливости, но поскольку такие вещи излетают из уст наследного принца, стоит задуматься над передачей ему власти над целой страной.

Стоит отметить, что Благородная наложница Вань теперь действовала куда хитрее. Она была не просто выскочкой из гарема, она стояла во главе всей страны. Ее слова заставили императора нахмуриться. В это же время подключились Ли Чжишэн с Цзи Сяо и прочие сторонники партии Ваней, расхваливая четвертого принца Чжу Юююаня, рожденного от дворцовой наложницы Шао.

Самым провокационным из всего, что Благородная наложница Вань наговорила императору,

было то, что наследный принц, хоть и был молод, умел подлизаться к людям. Он, якобы, намеренно заводил дружбу с высокопоставленными чиновниками, чтобы те нахваливали его и распускали слухи о его хорошей репутации за пределами столицы, что позволило ему собрать вокруг себя партию провинциальных чиновников, которые, должно быть, позарились на посуленные им богатства, так что встали на сторону принца, желая иметь покровителя со стороны будущего Дракона. Если так будет продолжаться, власть Его Величества может оказаться под угрозой.

Конечно же Благородная наложница Вань не могла сама все это придумать. Подле нее было много советчиков.

Каким бы мягкосердечным ни был Чэнхуа, он в конце концов был императором. И у него, как у императора, имелись больные места, которые нельзя трогать.

Его больным местом был трон.

Тот, кто подал эту идею Благородной наложнице Вань, знал о главном страхе императора, так что попал прямо в его сердце.

После такого количества наговоров император начал колебаться. В нем проснулось недовольство по отношению к принцу.

При нынешнем Дворе все честные чиновники, что осмелились бы высказаться, уже давно были сосланы куда подальше. Единственные, кто теперь имел право голоса, были Вань Ань и его люди.

Среди министров лишь Лю Сюань поддерживал принца. Будучи учителем императора, он мог бы выступить в защиту наследника, но один в поле не воин – он боялся слишком сильно оскорбить Вань Аня, так что руки у него были связаны.

Враг был силен, а они слабы. Положение наследного принца стало очень шатким. Конечно же это была плохая новость для тех, кто надеялся когда-нибудь увидеть восхождение принца на трон.

Выслушав все это, Тан Фан вздохнул:

— А я-то что могу сделать? Ты меня что, за Чжугэ Ляна (первый министр периода Троецарствия) держишь?

— Хоть ты и не Чжугэ Лян, – отвечал Ван Джи, – у тебя всегда полно идей. Должен же быть какой-то способ развеять сомнения императора. Если так и дальше пойдет, наследного принца действительно упразднят!

— Что-то я сомневаюсь, – Тан Фан взглянул на Ван Джи, – что ты стал с принцем настолько близок, что тайно приехал сюда. Кто-то хочет, чтобы ты помог ему найти выход?

— Да, – не стал отрицать Ван Джи. – Кое-кто во дворце доверил мне это дело. Сейчас очень мало тех, кто мог бы выступить в защиту принца, но Его Величество еще не принял решения,

так что есть шанс заставить его передумать. Мне было бы неудобно говорить перед Его Величеством. Даже тот, кто доверил мне это дело, не может ничего предпринять. Тщательно все обдумав, я решил, что только ты способен помочь придумать решение.

— Что я могу сделать? – горько улыбнулся Тан Фан. – Я с принцем-то лишь один раз пересекся. Теперь у меня даже должности чиновника нет, с чего вдруг Его Величеству слушать бездельника? Но ты сказал, что кое-кто доверил тебе это дело… Это Хуай Энь?

— Да, – ответил Ван Джи после секундного колебания.

— Насколько я знаю, хоть Хуай Энь и ниже Лян Фана по положению, Его Величество всегда доверял ему. Почему Его Величество не прислушался к его словам?

К слову, Ван Джи и Хуай Энь никогда раньше не сталкивались друг с другом. Но на этот раз Хуай Энь обратился к тому за помощью. Скорее всего, Ван Джи прислушался к совету Тан Фана и наладил связи со сторонниками принца.

— Хуай Энь слишком часто выступал в защиту изгоняемых со Двора чиновников, так что успел порядком надоесть Его Величеству. Как-то раз один подхалим предложил много денег, чтобы стать чиновником. Хуай Энь отказался передать императорский указ и попросил Лю Сюя, Юй Цзыцзюня и других министров помочь ему переубедить императора на совете. Однако те побоялись, что сделало Хуай Эня беспомощным. В результате Его Величество очень разозлился на него, так что теперь он не смеет выступить в защиту наследного принца, боясь сделать лишь хуже, – Ван Джи холодно фыркнул. – И в это время как раз я влез. Желая проверить мою преданность наследному принцу, этот старикашка перекинул проблему на меня, – он взглянул на Тан Фана. – Кстати, это ты велел мне подружиться с ним, так что это дело и к тебе отношение имеет! Ты должен придумать для меня решение во что бы то ни стало!

«За что мне все это? – мысленно вздохнул Тан Фан. – Я лишь любезно предложил тебе идею, а в итоге навлек неприятности на свою голову!»

Видя его беспомощное выражение лица, Ван Джи вдруг загадочно улыбнулся:

— Если поможешь принцу, я смогу гарантировать, что ты вернешь свою должность.

«Тогда мне не стоит спешить, – подумал Тан Фан. – Я свободен и счастлив – даже думать о возвращении не хочу».

Однако у него сложилось хорошее впечатление о наследном принце. Если бы он не слышал о произошедшем, все было бы в порядке. Но теперь, поскольку он уже знал о проблеме, если бы проигнорировал ее, мучился бы от угрызений совести.

— Как сейчас обстоят дела? – задумчиво спросил Тан Фан. – Его Величество ясно дал понять, что намерен упразднить наследного принца?

— Нет, но, когда принц пришел засвидетельствовать свое почтение Его Величеству, Его Величество отказался его видеть, сказав, что тот может возвращаться к учебе.

Это было не очень хорошо.

— Есть ли при Дворе чиновники, что выступили в защиту принца? – Тан Фан нахмурился. – Что насчет его учителей? Они же не стали сидеть сложа руки, верно?

— Отправились умолять Его Величество, но все без толку. Поговаривают, что после их ухода Его Величество смягчился и даже хотел простить принца, но внезапно кто-то снова оклеветал его перед Его Величеством, так что принца вызвали во Дворец и сделали выговор.

— А что вдовствующая императрица Чжоу? Она всегда была добра к принцу и точно не хочет, чтобы его упразднили.

— Вдовствующая императрица Чжоу в последнее время плохо себя чувствует и прикована к постели. Она не знает о происходящем: никто бы не посмел беспокоить ее из-за подобного… Буду с тобой откровенен и скажу, как есть. На самом деле, вдовствующая императрица Чжоу лишь против слабых выступить готова, а сильных боится. Она опасается Благородной наложницы.

Тан Фан слышал раньше, что вдовствующая императрица Сун, бабушка нынешнего Сына Неба, выбрала наложницу Вань, чтобы та заботилась об императоре Чэнхуа и защищала его. В самые трудные годы, когда дядя Чэнхуа отправил его под арест, именно госпожа Вань была подле него, а не мать, вдовствующая императрица Чжоу.

Поэтому, даже если Чэнхуа и относился к своей матери с должной сыновьей почтительностью, вдовствующая императрица Чжоу чувствовала себя виноватой перед ним, и ей было неловко перед Благородной наложницей Вань.

Кроме того, поговаривали, что Благородная наложница Вань была настолько могущественной, что даже вдовствующая императрица Чжоу побаивалась ее. Когда император упразднил императрицу, вдовствующая императрица Чжоу не смогла помешать ему. Хоть она и любила своего внука, сделать мало что могла.

А если подумать, какой бы сын императора ни стал наследным принцем, он в любом случае будет внуком вдовствующей императрицы Чжоу. Ни у кого из них не было причин плохо относиться к своей бабушке, так какой смысл был вдовствующей императрице Чжоу ссориться со своим сыном из-за принца?

Но все это были лишь сплетни. Сейчас не было времени думать о них.

Услышав, что вдовствующая императрица Чжоу не сможет ничем помочь, Тан Фан беспомощно покачал головой:

— Ты меня переоцениваешь. Столько людей не смогли ничего придумать, считаешь, мне одному это под силу? Мне горько знать, что принц в беде, но мои слова мало что значат. Я не могу ничем помочь.

Ван Джи был малость разочарован. Тан Фан раньше несколько раз помогал ему, и его идеи всегда оказывались очень эффективны. Именно по его указке Ван Джи наладил хорошие отношения с Хуай Энем, так что и теперь надеялся, что тот сможет придумать решение, до

которого не додумался никто другой.

Если наследный принц сможет выпутаться из этой беды, заслуга Ван Джи будет очевидна.

Но, к сожалению, реальность показала, что он слишком многого хочет.

— Есть один способ, – нерешительно пробормотал Тан Фан, – но это скорее даже и не способ…

После минутного разочарования Ван Джи вновь обрел надежду.

— Взрослый мужчина, а мямлишь как ребенок! – сердито воскликнул он. – Ты можешь прямо сказать?!

— Для начала пусть наследный принц попытается встретиться с Его Величеством наедине, а затем покается перед Его Величеством.

— А дальше?

— Ничего. Это все.

— …Что за способ такой?! Если бы извинения сработали, не было бы стольких проблем!

— Я не знаком с Его Величеством, – развел руками Тан Фан, – и плохо его знаю, но он точно не тиран, поскольку за столько лет очень небольшое число чиновников и членов их семей были обезглавлены. В худшем случае их ссылали, а значит, он действительно не любит убивать людей. Такой правитель должен быть глубоко чувствующим человеком. Наследный принц – его долгожданный сын и наследник. Конечно же Его Величество не может относиться к нему слишком равнодушно и безжалостно. А значит, это лишь последствие того, что кто-то на стороне Его Величества неоднократно заставляет его неверно истолковывать слова и поступки принца.

Сердце Ван Джи дрогнуло. Наконец он начал понимать.

— Продолжай.

— Вместо того чтобы посылать столько людей просить за него, принцу лучше пойти одному. Есть ли между отцом и сыном такой узел противоречий, который нельзя распутать? Принцу всего десять, и он на самом деле не собирается узурпировать трон. У Его Величества нет причин не простить его. То, что принц велел установить столик для благовоний, противоречило правилам, поэтому он должен попросить прощения и сказать, что поступил так лишь из сыновьего почтения. Это натолкнет Его Величество на мысль, что принц, который с таким уважением относится к своей матери, наверняка станет великодушным правителем в будущем и не будет восставать против своего отца.

— А это действительно неплохая идея, – задумчиво протянул Ван Джи.

— … Я просто так сказал это. Лишь подал тебе идею, заслуга будет твоей. Но козлом отпущения меня тоже делать не нужно – и я буду счастлив до Небес.

— Да разве я такой человек? – фыркнул Ван Джи. – Ладно, хватит болтать. Я скоро отправлюсь в Хэтао. Не знаю, когда и встретимся снова. Нарисуй для меня картину.

— Разве я не говорил тебе больше не соваться на границу?

— Думаешь, я хочу этого? Военные действия в Хэтао еще не кончились. Только потому, что на границе остался мой заместитель, я смог приехать, сославшись на дела в Западной Ограде. Я должен вернуться как можно скорее. Даже если я хочу прекратить все это, мне придется дождаться окончания сражений. Если бы не я, Двор бы уже вызвал Ван Юэ и остальных обратно. Ты же знаешь, Его Величество не планирует вступать в войну.

Это было понятно. Император хотел самосовершенствоваться, добиваясь бессмертия, заниматься алхимией и строить дворцы, а на войну требовались деньги. Он решил, что вместо того, чтобы тратить деньги на армию, лучше оставить их себе на поклонение богам.

Тан Фан вздохнул, но не стал ничего говорить по этому поводу, лишь вежливо сложил руки:

— На границе опасно. Надеюсь, командующий Ван позаботится о себе.

— Ладно, хватит языками чесать, – отмахнулся от него Ван Джи. – Взрослый мужчина, а ведешь себя как ребенок! Я уже велел подготовить кисть, чернила и бумагу. Время поджимает. Скорее рисуй! Когда картина будет закончена, велю в рамку ее поставить!

— С чего вдруг ты просишь меня рисовать? – Тан Фан был сбит с толку.

— Если скажу, что восхищаюсь тобой и хочу взять эту картину с собой, чтобы любоваться на нее каждый день, думая о тебе, ты мне поверишь? – нетерпеливо спросил Ван Джи.

Заметив, что у Тан Фана от всей этой чуши дергается уголок рта, командующий Ван смилостивился и сказал правду:

— Если скажу, что эта картина поможет тебе добиться восстановления в должности, ты мне поверишь?

— Звучит более правдоподобно, – улыбнулся Тан Фан. – Если бы твое первое объяснение оказалось правдой, боюсь, мне бы пришлось рисовать для тебя пальцами ног, чтобы тебе плохело каждый раз, как думаешь обо мне.

— Да пошел ты! – воззрился на него Ван Джи. – Поменьше препирайся с этим командующим! Поторопись, время идет. Не обязательно делать картину слишком изысканной. Важна концепция! Лучше изобразить пейзаж, цветы или птиц! Но никаких красных цветков слив на снегу или хризантем на морозе!

Просьба прозвучала очень странно, но Ван Джи ясно дал понять, что вдаваться в подробности не намерен, так что Тан Фан не стал больше задавать никаких вопросов.

Но даже если бы тот не сказал всего этого, Тан Фан знал, что Ван Джи в любом случае не

должен замышлять что-то худое.

— Если тебе нужен рисунок, у меня в столице осталась парочка старых работ.

— Не пойдет, – покачал головой Ван Джи. – По ним сразу видно, что они старые. Мне нужна свежая картина.

Тан Фан все понял:

— Дай мне подумать. Так скоро я ничего не сделаю.

— Времени у тебя одна палочка, а потом я вернусь в столицу. Ты должен отдать эту картину мне.

Тан Фан горько улыбнулся и покачал головой, но спорить не стал и сел за стол, на котором действительно лежали приготовленные кисти, чернила и бумага превосходного качества.

Он закрыл глаза и на мгновение задумался, мысленно набросав все, что хотел изобразить.

Затем открыл глаза, поднял кисть, обмакнул ее в чернила и принялся за дело.

Одной палочки не хватило. Тан Фан вел кистью естественно и непринужденно, а на лице его читалась такая сосредоточенность, что Ван Джи не стал торопить его.

Только спустя полчаса после того, как благовония догорели, Тан Фан глубоко вздохнул. Работа была закончена.

Ван Джи посмотрел на картину и увидел свешивающиеся сверху пышные цветы глицинии, под которыми скакал цыпленок.

Невдалеке курица подняла голову и, обернувшись, глядела на него. Эта картина бьющей через край радости жизни отражала бесконечную родительскую любовь.

— Отлично! – не удержался от вскрика Ван Джи.

Он, хоть и не сказал ничего конкретного, верил, что Тан Фан с его-то умом определенно сможет прочитать между строк.

И конечно, картина эта не только оправдала, но и превзошла все его ожидания.

И хоть из-за спешки стиль картины был несколько грубоват и не вызывал восхищения, посыл ее был очень глубоким. Этот рисунок определенно стоил того, чтобы приехать сюда.

В этот момент снаружи раздались торопливые шаги, и они оба замолчали. Ван Джи нахмурился:

— Кто там? Разве я не велел не беспокоить нас?

— Молодой господин, это я, – к удивлению Тан Фана, это был голос Янь Ли.

— Войди, – разрешил он.

— Молодой господин, – произнес Янь Ли, открыв дверь, – маленького господина избили! Твоя уважаемая сестра надеется, что ты сможешь вернуться как можно скорее!

Семья Хэ была очень большой. Хоть у старика Хэ и было много внуков, единственный, кого Янь Ли мог назвать «маленьким господином», был сын сестры Тан Фана Хэ Чэн.

— В чем дело? – не мог не спросить Тан Фан. – Кто посмел нагло избить Цилана? Почему моя сестра и зять не помешали ему?

Янь Ли горько улыбнулся:

— Тем, кто избил его, был твой уважаемый зять.

***

Примечания переводчика:

У меня только один вопрос: как служащие Ограды пропустили Янь Ли?

http://tl.rulate.ru/book/50212/2029080